

DOI 10.37882/2223-2982.2024.10.35

О ВРЕМЕНИ МИГРАЦИЙ СЛАВЯН В ПСКОВСКО-НОВГОРОДСКИЙ РЕГИОН И «СЕВЕРНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ» ДОВАРЯЖСКОЙ ЭПОХИ

Тарасов Илья Михайлович

Аспирант, ГАОУ ВО ЛО Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Пушкин)
tarasowilya@yandex.ru

ABOUT THE TIME OF MIGRATION OF SLAVS TO THE PSKOV-NOVGOROD REGION AND THE "NORTHERN UNION" OF THE PRE-VARANGIANS ERA

I. Tarasov

Summary: In the article examines, through the prism of written, archaeological and anthropological sources, the resettlement of groups of the Slavic population to the Northwest of future Russia in the I millennium AD. The issue of the appearance of the first potestiar formations among the culture bearers of the Pskov long barrows and Novgorod hills, correlated with the chronicled Krivichi and Novgorod Slavs, respectively, is also examined. The author puts forward a hypothesis about the appearance in the Pskov-Novgorod region by the middle of the IX century a large-scale polity that teetered on the edge of a complex society and an early state, in which there was supreme power, the beginnings of law and its own writing. It is to this proto-state that the Old Rus state, created after the capture of Kiev by Prince Oleg (882), dates back.

Keywords: Novgorod Slavs, Biological anthropology, culture of Pskov long mounds, culture of Novgorod hills, Brushed Pottery culture, Ancient Slavs, Normans, Gostomysl, Novgorod.

Аннотация: В статье через призму письменных, археологических и антропологических источников исследуется переселение групп славянского населения на Северо-Запад будущей Руси в I тысячелетии н.э. Также разбирается вопрос появления первых потестарных образований у носителей культуры псковских длинных курганов и новгородских сопок, соотносимых с летописными кривичами и словенами ильменскими соответственно. Автором выдвигается гипотеза о появлении в Псковско-Новгородском регионе к середине IX в. крупной политики, балансировавшей на грани сложного общества и раннего государства, в которой имелись верховная власть, зачатки права и собственной письменности. Именно к этой политике восходит Древнерусское государство, созданное после захвата князем Олегом Киева (882).

Ключевые слова: ильменские словене, антропология, культура псковских длинных курганов, культура новгородских сопок, культура штрихованной керамики, праславяне, норманны, Гостомysl, Новгород.

Во второй половине I тыс. н.э. обширные пространства лесной части Восточной Европы занимают древности культуры псковских длинных курганов (далее – КПДК) и новгородских сопок. Первая занимала восточное и южное побережье Псковско-Чудского озера, бассейны рек Великой, Плюсы, Луги, верховой Западной Двины, Пола и Ловати, озёр в верховьях Волги, бассейны Мсты и средней Мологи. Вторая распространилась позднее в бассейнах Ильменского озера, рек Волхов, Свясь, верхнего и среднего течения Мологи, верховой Луги и Плюсы. Если этническая принадлежность первой культуры является предметом дискуссий, но, как правило отождествляется, со славянами-кривичами или их непосредственными предками, то славянская принадлежность культуры сопок сегодня абсолютна бесспорна.

Одной из целей данной статьи является определение времени славянской миграции в Псковско-Новгородский регион. Традиционно считается, что миграция славянского населения в I тыс. н.э. в регион покрывала достаточно обширные пространства. Однако, сравнительно небольшие по числу курганов ранние могильники и малые размеры местных поселений дают основания

полагать, что создатели культуры псковско-мстинских длинных курганов/культуры псковских длинных курганов (далее – КПДК) оседали на Северо-Западе небольшими, но многочисленными группами [41, с. 30]. Уместно отождествить эти небольшие группы населения с «родами» Новгородской первой летописи и «Повести временных лет». Каждый из подобных «родов» проживал в своём «граде». Учитывая, что население даже таких крупных «градов», как Ладога, в VIII – начале IX вв. составляло несколько десятков человек и максимально может быть оценено в сотню жителей [7, с. 43], сказанное выше имеет под собой прочное основание. Численность «рода» в раннем Средневековье может оцениваться в несколько десятков человек и в некоторых случаях достигало сотни.

Попытки некоторых современных исследователей представить расселение славян периодом не ранее IX или даже X вв. [31 и др.] кажутся совершенно фантастическими. По имеющимся данным датировать начало переселения ильменских словен даже IX столетием некорректно. Для примера, новгородские грамоты (самые ранние из которых относятся к периоду 1025–1050 гг.) содержат в подавляющем большинстве именно славян-

ские антропонимы и написаны на славянском диалекте. В имеющихся у учёных образцах древних грамот того периода (до конца XI в.) нет написанных на прибалтийско-финских языках. Не встречаются среди них финские заимствования. Неизвестна в ранних грамотах и прибалтийско-финская ономастика. Таким образом, славянские колонисты должны были за короткий срок (за IX–X столетия или даже за один X в.) не только заселить огромные территории, но и ассимилировать местное население, полностью подавив местный этноязыковой компонент, что совершенно нереалистично.

Ранее нами уже отмечалось, что в среде древнерусских книжников ильменские словене считались автохтонами региона, или, по крайней мере, населяющими эти земли с глубокой древности. Более того, книжная традиция, основанная на данных Начального свода, указывала на древность политических образований словен, кривичей и мери [43]. Другим свидетельством древнего пребывания славян на территории Ильмень-Волховского региона являются данные польской историографии [42, с. 32; 43]. Таким образом, нарративные источники свидетельствуют в пользу очень давнего расселения славян в регионе. На очень раннее появление славян на Северо-Западе будущей Руси указывают и данные местной топонимии [3, с. 153–185]. Отмечается, что архаическая топонимика Псковско-Ильменского региона «находит общие переключки» со Средним Поднепровьем и с галицко-волынскими землями. Однако центральный новгородский топонимический ландшафт Приильменья по ряду весьма существенных признаков отличен от псковского топо-ландшафта, особенно в бассейне Великой. Эти несоответствия объясняются именно двумя волнами миграций древнего славянского населения [6, с. 30–31].

Предпримем попытку датировать переселение славян в регион. В своё время Е.Н. Носов [33 и др.] выдвинул гипотезу о двух волнах славянской колонизации русского Северо-Запада с юга. С первой волной он связывал возникновение КПДК в VI–VII вв., а со второй, более поздней, – культуру новгородских сопков VIII столетия. Данные, которые приводят другие исследователи, подтверждают, что первичное проникновение славян уже на Северо-Запад будущей Руси начинается с V – первой половины VI вв. и связаны с культурой длинных курганов Псковщины [39, с. 66; 41, с. 28–29; 20, с. 129], а также с предсочными памятниками (рубеж IV/V–V – VIII вв.). Наиболее ранние длинные курганы датируются по средневропейским пряжкам первой половиной V в. [40, с. 127–137], наиболее ранние артефакты с территории предсочных памятников могут быть датированы рубежом IV–V (лужская группа), V в. (ильменская группа)

и концом V–VI в. (удомельская группа). В Нижнем Поволжье славяне появляются уже в середине I тыс. н.э. [20, с. 129–130]. Подчёркивается высокая притягательность Приильменья для славянских переселенцев уже в V–VII вв. [9, с. 399, 400]. Очевидно, это связано с функционированием перспективного трансконтинентального Волжско-Балтийского торгового пути. Этот путь освоили скандинавы, которые уже как минимум с V в. проникали в Восточную Прибалтику и Приладожье [30, с. 52], а в VI–VII вв. основали стоянки на островах Финского залива и Ладожского озера. Стоянки, как полагают, принадлежали скупщикам пушнины, которая была основным стимулом для скандинавского продвижения на восток [30, с. 52–53]. Данный торговый путь, связывавший балтийские земли с Волго-Камским регионом, как считается, мог функционировать и ранее, уже в римское время [26].

Довольно плотное освоение славянами Псковско-Ильменского региона в основных чертах завершилось уже в последних веках I тыс. н.э. При этом области правых притоков Западной Двины, включая Усвяцкую округу и верховья Ловати служили своего рода плацдармом для дальнейшего продвижения на север и северо-восток славянских колонистов. Уже в IV–V вв. здесь наблюдается повышенная концентрация поселений. Площадь некоторых из них могла достигать 2–3 гектаров! Часть из них являлась не только крупными поселениями, но и ремесленными центрами округа [44, с. 20]. Возможно с этим колонизационным потоком можно связать славянское происхождение гидронимов *Двина*, *Двинье* (от диал. праслав. **dǫvina* 'двойня, пара'), совершенно необоснованно записанных сегодня в балтские. В число архаичных гидронимов можно внести и ряд других якобы «балтских» водных названий Псковско-Ильменского, прекрасно этимологизирующихся из праславянского диалектного континуума: *Смердомка*, *Снежа* (*Снежия*), *Соминка*, *Сосно* и др. Вообще проблема «балтских» гидронимов, которые на проверку оказываются архаичными/реликтовыми праславянскими, стоит освещения в отдельной работе.

Вторая миграционная волна, которую связывают с культурой сопков, датируется VII/VIII вв. (Е.Н. Носов, В.В. Седов и др.). Однако, культуре сопков предшествует группа памятников раннего славянского населения, которые были оставлены между 500 и 750 гг. (удомельская, ильменская группы и др.) [18, с. 136–220; 19, с. 82].¹ Данный период примерно совпадает с датировкой нами времени жизни «старейшины» Гостомысла – между расселением славян и хазарским вторжением с тяготением к первой дате (т.е. в VI–VII/первой трети VIII вв.) [43].

1 Датировка может быть удревнена, судя по радиоуглеродному анализу некоторых вещей, до рубежа IV/V в. (полужская группа памятников). Ильменская группа памятников датируется археологами V–VII вв. Нижняя дата удомельской группы — конец V–VI в. [16, с. 332–333, 335].

Как уже отмечалось, этническая принадлежность населения КПДК является предметом дискуссий. Мы придерживаемся точки зрения, что это население соотносится со славяноязычными предками псковских кривичей. В этом вопросе мы в целом солидарны с В.В. Седовым, Г.В. Штыховым и др. [38; 47, s. 209–218]. К населению КПДК нужно отнести и ранних ильменских словен [25, с. 337] или хотя бы их часть. Сами новгородские сопки могут восходить к крупным насыпям КПДК последней четверти I тыс. н.э. [11, с. 242]. Таким образом, появление некоторых групп предков ильменских словен на Северо-Западе должно быть датировано V – первой половиной VI в. (первая волна колонизации). Отдельно отметим, что в процессе консолидации групп местного населения и захвате ими обширных пространств Северо-Запада, важную роль сыграли группы переселенцев из Центральной Европы [25, с. 340]. На наш взгляд, уместно связать центрально-европейские импульсы с уходом от аварского вторжения антского, «склавенского», гепидского/дунайско-германского населения в середине – третьей четверти VI в. Не исключено, что миграции могли быть более ранними и затронули часть герульского населения, уходившего на север в начале VI столетия.

В древностях Северо-Запада фиксируются центрально-европейские артефакты, которые уверенно связываются со славянскими переселенцами. Речь идёт о «крапчатых» бусах, найденных на селище Прость под Новгородом, бытовавшие в Средней Европе и на юге Восточной Европы в V–VI/VII вв. [34, с. 142–144; 35, с. 95–96]; о височных кольцах со спиралевидным завитком, происхождение которых связывают с миграцией из зоны между Балканами и Днепром, переселенцы оказались на Северо-Западе не позднее VII–VIII вв. [20, с. 131]; об удилах с псалиями, увенчанными зооморфными головками из клада на городище Холопий город, прямые аналогии которым находят в славянских могильниках Среднего Подунавья VIII в. [28, с. 256]. Приведённые выше факты согласуются с летописными свидетельствами о переселении словен ильменских не с запада, а именно с юга/из района Подунавья. На Подунавье указывает и Мазуринский летописец (1670–1680-е гг.), который развивает историю с основанием Новгорода и «старейшиной» Гостомыслом. В летописи сообщается о древнем исходе славян с севера, из лесной зоны, в Подунавье. По прошествии длительного времени, когда славяне услышали, что «земля праотец своих» «лежит пуста и никим брегома», то решили заселить её. Они пришли с Дуная на тер-

риторию прародины «и седоша паки близ езера Ирмеря, и оновиша град на новом месте... и нарекоша Новгород Великий, и поставиша старейшину от рода своего именем Гостомысла» (ПСРЛ, XXXI: 28).

В середине/второй половине V – первой трети VI вв. вышедшие из лесов Восточной Европы славяне широко расселяются по Восточному Прикарпатья и левобережью Нижнего Дуная. В дальнейшем под натиском «волохов» (романоязычного населения Балкан) и ромейской армии, а также после появления угрозы со стороны праболгар Аспаруха славяне начали обратное переселение с Дуная на север [27, с. 84–86]. Г.С. Лебедев также указывал на Подунавье, как место консолидации вышедших с севера славян. Именно здесь славяне, прошедшие пшеворско-черняховскую «фильтрацию», вступили в контакт с Ромейской империей, шагнули на новую ступень развития, после чего расселились в разных направлениях, в том числе и в северо-восточном, занимая территорию своей прародины [24]. На наш взгляд, не последнюю роль в консолидации славян и выстраивании ими прото-/раннегосударственного образования в Ильмень-Волховском регионе играл опыт взаимодействия их предков с ромейским и германским населением Подунавья [43]. Уже в VI в. источники отмечают весьма значительные и сильные политические образования дунайских славян.² Именно опыт построения подобных «славиний» те из предков словен, кто пришёл из Подунавья, по нашему мнению, принесли на север («пришедше с Дуная, съдоша около озера Илмеря»), благодаря чему именно Ильмень-Волховский регион показал наиболее высокий среди восточнославянских территорий уровень потестарной организации в доваряжский период.

Данные древненовгородского диалекта (иначе – новгородско-псковского диалекта), восстанавливаемого по текстам берестяных грамот и по данным псковских говоров, так же свидетельствуют о глубокой древности славянского расселения на Северо-Западе. Так, установлено, что древненовгородский диалект отделился непосредственно от позднего праславянского языка [15, с. 7]. Отсутствие в нем элементов второй палатализации позволяет говорить об отчленении от основного праславянского ареала новгородско-псковской группы славян отдельно от остальных восточных славян [15, с. 57]. Эти события должны были произойти не позднее середины I тыс. н.э. Данную группировку славян В.В. Седов отождествляет с носителями КПДК [41, с. 30]. Но как

2 Речь идёт о (1) вождестве Добрыты и οἱ ἐν τέλει («отборные», «совершенные») его народа, а также ἡγεμόνες («начальники», «вожди»); (2) вождестве Ардагаста, который имел «подвластную страну»; (3) упоминание «экзарха» Пирагаста, который также назван «филиархом войска» и «таксиархом» (военным командиром) или воеводой); (4) свидетельство о политическом образовании Мусокия. Этот правитель славян назван Феофаном Исповедником «царём варваров» [1, с. 113], а ρηζ (rik, латинское rex) — «король, наследственный и пожизненный правитель». Это указывает на более высокий его статус по сравнению с тем же Ардагастом. То есть имеются основания говорить о Мусокии либо как о главе сложного вождества славян нижнедунайского Левобережья, либо даже как о главе раннегосударственного образования.

уже отмечалось, в их среде были и предки части ильменских словен.

Согласно данным физической антропологии, отсутствует прямая генетическая преемственность между довольно редким и малочисленным аборигенным населением Северо-Запада первой половины I тыс. и населением культур длинных курганов и сопков [37, с. 6, 9]. По данным антрополога С.Л. Санкиной, ранние группы населения Псковско-Новгородской земли обладали резко выраженной европеоидностью (долихокефалия, сильно выступающий нос и др.), сильно отличаются от местного финского и сходны с балтскими [37, с. 23, 31, 33, 38, 41–42, 43, 44, 48, 49, 59 и др.]. Таким образом, зафиксировано, что раннее европеоидное население Псковско-Новгородского региона являлось пришлым. С этим согласуются данные археологии о том, что традиция возведения курганных насыпей в ареал КПДК также была привнесена извне [16, с. 331].

С.Л. Санкина подчёркивает, что «раннее население Новгородской земли было очень сходно с балтами: даже крайне массивным долихокранным балтским сериям I тысячелетия находят аналогии среди ранних новгородцев» [37, с. 66]. На наш взгляд, это древнее славянское население стоит отнести к **североевропеоидам**, конкретнее — к так называемому (**восточно-)** **нордическому** антропологическому типу.

Отметим, что имеются данные о сближении славян Северо-Запада и с особо древним балтским населением – речь заходит даже о первой половине I тыс. н.э. [37, с. 43, 62]. При этом, особую схожесть с балтами (латгалами и древним населением Литвы) показывают древнерусские черепа из Удрая (юг Псковской области) [37, с. 43]. Локус Удрая входит в ареал расселения колонистов первой волны миграции славян в Псковско-Новгородский регион.

Согласно одонтологическому исследованию материалов древнерусского времени с территории Северо-Запада, проведённому ранее Р.У. Гравере, кривичи и население, оставившее курганы в Ленинградской области (Сланцевский район), обнаруживают сходство зубного комплекса с восточными латгалами (восточными балтами). По мнению Гравере, имело место взаимодействие носителей реликтового одонтологического компонента, характерного для восточных, с носителями «европеоидной основы», которая отмечена у земгальского населения. Примечательно, что именно этим комплексом отличается большинство северо-западных русских. Считается, что так называемая «европеоидная основа» проявилась и у населения, проживающего на Балтийском побережье (Западная Латвия, Эстония, Литва). По мнению Гравере, этот «европеоидный» компонент в составе зубного комплекса русских мог быть исходным для западных балтов

и части славян, связанных происхождением с юго-восточным побережьем Балтийского моря [37, с. 9].

В X–XIII вв. вся западная пограничная область Древней Руси (дугой, с юго-запада вплоть до северо-запада, от Прутско-Днестровского междуречья до Новгородчины через территорию современной Белоруссии) была представлена населением более или менее сходного антропологического облика, объединяющего его с балтами I и II тысячелетия н.э. и ранними обитателями Эстонии (по мнению С.Л. Санкиной, преимущественно это обладающие ярко выраженными европеоидными признаками потомки местного варианта культуры боевых топоров) [37, с. 64, 67]. Таким образом, можно определить примерный ареал исхода славянского населения, обладающего схожим рядом признаков. Именно из этого очага, охватывающего значительную часть Белоруссии и юго-восток Прибалтики подобно кругам на воде распространялось население на рубеже I–II и в первые века II тыс. н.э.

Отметим, что упомянутые «балтские» антропологические черты – это не наследие ранних балтов, а реликт общего славяно-балтского антропологического типа, восходящего к населению культуры штрихованной керамики (далее – КШК). Данный антропологический тип, по нашему мнению, распространился из белорусского очага в раннеславянские киевскую (через население группы Кистени-Чечерск, а потом – Грини-Вовки) и тушемли-банцеровскую культуры (через днепро-двинское население, которое ассимилировало остатки «поздних» «штриховиков»). Разумеется, данный антропологический тип отмечается и в популяциях балтов. Это объясняется тем фактом, что древние балты ассимилировали «поздних» «штриховиков» Литвы.

Таким образом, позволим себе уверенный вывод: то, что антропологи принимали за «балтское влияние» — это следы исконного праславянского ярко выраженного европеоидного типа, проживавшего в том числе и в Юго-Восточной Прибалтике (КШК). Предположительно, это следы архаичного населения, которое сохранило черты исконного праславянского антропологического типа. Это древнейшее праславянское население соотносится с тацитовыми «венетами» и птолемеевскими ставанами. В первой половине I тыс. н.э. данное население проживало в ареале от Поднестровья до Приильменья и охватывало ряд культур лесной части Восточной Европы.

В первые века новой эры население поздней культуры штрихованной керамики (или позднего этапа КШК), уходит на юг, в пределы, занятые родственными праславянскими коллективами. Остатки населения КШК были ассимилированы, с одной стороны, носителями днепро-двинской и позднее – банцеровской культур (центральная и восточная часть ареала). С другой стороны

ассимиляция проходила со стороны носителей формирующейся культуры восточнолитовских курганов (Восточная Литва). Днепро-двинская культура, по нашему мнению, относится к кругу прото-славяно-балтских, банцеровская – явно праславянская, а культура восточнолитовских курганов – определённо балтская. С последней мы связываем не просто появление предков летописной литвы, но и рождение восточных балтов как таковых.

Ассимилировавшие древнее население КШК племена антропологически были очень близки между собой. Более того, могло сказаться ещё древнее прото-славяно-балтское единство, восходящее, как минимум, к эпохе поздней бронзы. Подчеркнём, что согласно С.Л. Санкиной, у западных славян и грацильных балтов могла быть общая антропологическая основа [37 с. 58]. Также, по мнению исследовательницы, «балтские» признаки населения Северо-Запада могут и вовсе оказаться раннеславянскими, в силу вероятного сходства облика ранних славян и балтов, основанного на исконном родстве [37, с. 48]. Таким образом, исходя из нашего краткого антропологического экскурса резюмируем: а) население русского Северо-Запада, обладающее сильно выраженными европеоидными признаками и не имеющее предков на данной территории, было пришлым; б) оно было близко балтам и населению западной части восточнославянского ареала, что можно объяснить общей антропологической основой указанных групп населения; нами это объясняется как общий антропологический субстрат – население позднего этапа КШК; в) антропологически близкое новгородско-псковскому население простиралось от Северо-Запада через территорию Белоруссии до Прутско-Днестровского междуречья и примерно очерчивает зону происхождения праславян, мигрировавших на север, на территорию Псковско-Новгородской земли; центральным (исходным) регионом можно считать Белоруссию – ядровой ареал КШК ребужа эр – первых веков н.э.

Уместо ли связывать с праславянами преимущественно долихоцефальное население с ярко выраженными европеоидными признаками, мигрировавшее на Северо-Запад? Праславянский язык ещё функционировал во время первой, а возможно и в начале второй колонизационной волны на Северо-Запад. Согласно А.А. Зализняку, древненовгородский диалект, хотя бы на ранних стадиях его письменной фиксации, предстаёт просто как диалект позднего праславянского языка, входящий в группу восточнославянских диалектов. Древненовгородский отделился напрямую от позднего праславянского языка [15, с. 57]. С.Л. Николаев подчёркивает, что древненовгородский представляет собой сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других восточнославянских восходит ещё к праславянской эпохе [32, с. 116]. Датировать окончательный распад праславянской общности можно именно перио-

дом миграций славян в Псковско-Новгородский регион. В целом, праславянский язык мог сохранять признаки единства вплоть до VII–VIII вв. [4, с. 182]. Известно, что в 640-е гг., когда древнеславянское племя неретвлян переплыло Адриатику и появилось в Южной Италии, то лангобардский герцог Радоальд вступил в переговоры с пришельцами, успокоил их, после чего предательски напал на и вынудил покинуть эти места. Павел Диакон сообщает, что переговоры со славянами велись «на их собственном языке» (Paul. Hist. Lang. IV, 44). Учитывая, что Радоальд, выросший в Чивидале, граничащей с землями карантанских славян, знал славянский язык и вёл переговоры со славянами-далматинцами на славянском языке, а те хорошо его понимали, можно предположить, что в 40-х гг. VII в. ещё сохранялось общеславянское языковое единство [45, с. 154]. Таким образом, можно констатировать, что на Северо-Запад мигрировало именно праславянское население, отколовшееся от основной праславянской массы. Именно к их диалектам относятся очень архаичные названия гидронимов Псковско-Новгородской земли, фиксируемое лингвистами.

Упомянутый в новгородско-софийской группе летописей вождь древнейших словен («старейшина») Гостомысл, по нашему мнению, был тем, кто возглавил определённую группу славянских колонистов, привёл её в Приильменье и создал здесь вождество. По всей видимости, им были заложены и какие-то «грады». Появление «градов» в доваряжский период (т.е. до второй половины IX в.) фиксируется летописями [43].

Отмечено выделение у ильменских словен знати [30, с. 57]. Можно говорить о развитии довольно развитых социально-политических институтов уже в VIII столетии, на что указывает сам факт возведения сопот 10–12 м высотой, которые невозможно построить силами нескольких семей. Стройка должна была высвободить десятки пар рабочих рук на длительный срок, что в условиях не слишком благоприятного климата Волхов-Ильменского региона и довольно короткого лета, маловероятно без наличия чётко структурированной социально-политической структуры вождества (либо сложного вождества). Для акефального коллектива, либо коллектива со слабо выраженной верхушкой подобные работы просто невообразимы [43].

Таким образом, следует обозначить, что у летописных словен VI/VIII–IX вв. существовало два или даже несколько вождеств. Как минимум, одно из них можно локализовать в юго-восточном Приильменье и связать с Городком на Маяте второй половины I тыс. н.э., основанном населением, оставившим ильменскую группу предсочных памятников. Известно, что около него обнаружено два селища и таким образом Городок «предстает перед нами как центр достаточно густозаселенного микрорегиона» [12, с. 35]. Второе вождество можно локализовать в вер-

ховьях Волхова/Северном Приильменье. Проживание славян в городищах в Приильменье можно датировать VI–VIII в. [21, с. 148–149; 10; 13; 20. 129; 14, с. 53–54; 43]. Второй половиной I тыс. н.э. – существование городищ с валами и рвами у населения КПДК [17, с. 384–392]. Всего городищ на территории культуры найдено 12, исследовано из них – 7, селищ – 58 и 4 соответственно [22]. Представлены они в западном и южном ареалах КПДК [17]. Наличие городища среди скопления поселений говорит о простом вождестве (двухуровневая иерархия; трёхуровневая характерна для сложного вождества, четырёхуровневая – для раннего государства) [5, с. 141]. Поэтому можно констатировать о существовании во второй половине I тыс. н.э. ряда вождеств на территории КПДК.

В условиях угрозы с севера происходила постепенная консолидация отдельных родов «родов» и вождеств и объединение их в сложные политические объединения. Постепенно развиваясь, к середине IX столетия словенская полиция в Приильменье превратилась в довольно крупное протогосударственное образование, которое в современной историографии условно именуется «северной конфедерацией», а нами – «северным объединением». Данное политическое образование связывают либо со славянским и финским, либо исключительно со славянским населением.³ «Северное объединение» предваряющего периода стояло на стадии перехода от сложного вождества к сверхсложному, включающему несколько сложных [8, с. 204]. В историографии встречается определение его как «ранне- (или пред-) государственного образования» «с центром в Ладоге» [29, с. 35]. Однако само определение «сверхсложное вождество» применимо, как правило, для кочевых обществ. Для земледельцев вполне уместно говорить о ранней государственности. Переносить на земледельческие общества характеристики политических организаций кочевников и выводить новые определения – не путь решения проблем, но уход от их решения. Таким образом, мы можем констатировать именно зачаточную государственность в Ильмень-Волховском регионе в дорюрикову эпоху (до третьей четверти IX в.). Милитаризированные группы варягов из-за моря пришли на данную территорию сравнительно поздно, когда здесь уже были определённые зачатки государственности.

«Северная конфедерация»/«северная славиния» обладала заметным уровнем развития. В данном «северном объединении» можно зафиксировать определённый уровень правовой деятельности, охватывавший различные сферы жизни, на что указывает сам договор – «ряд» ильменских словен с варягами, отрывки которого были включены в летопись [46, с. 269; 29,

с. 40–41; 30, с. 63, примеч. 72]. В целом он напоминает договоры норманнов с западноевропейскими королями [29, с. 40–42]. В пользу подлинности договора населения Ильмень-Волховского региона с варягами свидетельствуют и такие устойчивые формулы, как «иже бы володѣль нами . и судиль», «кнжить и володѣти нами», «по рѣду по праву», упоминание «правды», «наряда» и т.п. (ПСРЛ, I: 19–20; II: 14), определённо почерпнутые из текста самого договора. Не исключено, что известный по договору с Константинополем начала X в. «русский закон» (ПСРЛ, I: 32) или же «покон русский» (ПСРЛ, II: 25), может восходить к правовой традиции «северного объединения» и упомянутым законам «иць своих» восточнославянских племён (ПСРЛ, I: 13).

По всей видимости, в «северном объединении» существовала и письменность. Подтверждением этого могут быть находки скандинавских рунических знаков и отдельных надписей IX в. [36, с. 152–153; 30, с. 56–57]. Более того, можно говорить и о собственном, основанном на скандинавской рунике, письме. В качестве примера приведём более поздний артефакт с 32 руническими знаками с одной из усадеб Неревского конца, найденный в 1956 г. Только треть из знаков имеет аналогии в «датском» футарке [23, с. 220]. На наш взгляд, имеет место попытка создания и даже апробации и применения собственного письма, возникшего на основе письменности одного из соседних народов. Точно так же создавалась в IX в. кириллическая письменность – на основе греческого алфавита с добавлением дополнительных знаков. Можно предположить смешение разных рунических письменностей по аналогии с «маркоманническими», когда были смешаны и общегерманская и англосаксонская руники. Либо стоит допустить видоизменение рунической письменности по аналогии с хельсингскими, исландскими или дальскими рунами. Начертание же неизвестным лицом абракадабры, частично напоминающей футарк датчан, нами исключается. Редкость находок образчиков подобного письма можно объяснить недолговечностью писчего материала (береста, кожа и т.п.). Пример существования письменности в политических образованиях лесной зоны дорюриковой эпохи имеется – речь идёт о вождествах рязано-окцев V–VI вв., в которых существовало некое рунообразное письмо.

Очевидно, что у потомков первой волны славянской колонизации Северо-Запада, которых мы соотносим со строителями длинных курганов, отмечен случай погребения в ладье. Речь идёт о погребении кургана, расположенного недалеко от села Михайловского Псковской области. В кострище зафиксированы сосновые и берёзовые плахи, расположенные веерообразно, что дало

3 Некоторые исследователи, к примеру, доктор исторических наук А.А. Горский [8, с. 192], объединяют в рамках «северной конфедерации» только псковских кривичей и ильменских словен. В таком случае наиболее корректным будет вариант наименования данной полиции «северной славинией».

повод для предположения о сожжении в ритуальном челне [38, с. 54]. Кроме того, были найдены изображения кораблей, процарапанные на одностороннем костяном гребне с Псковского городища (основано примерно в VIII в.) [39, с. 57]. На наш взгляд, речь может идти о традиции погребения высшей знати в ладье, связанной с северо-европейской обрядностью (встречается в разных вариациях у островных кельтов, англосаксов, скандинавов, средневековых пруссов, коми-пермяков и др.). Контакты с северными европейцами могли осуществляться по торговой магистрали Скандинавия/Циркумбалтийский регион – юго-восточное Приладожье – Поволжье – Приуралье (о наличии подобного пути уже в древности – см. [26, с. 67; 20, с. 134–135]). Здесь уместно вспомнить ранее упомянутый аспект миграции славян на север – целью могло быть и желание держать под контролем часть богатого и перспективного торгового пути, о котором шла речь выше. Часть пути пролегла по Волхову и проходила через окрестности Ладоги. Уже во второй половине VIII — начале IX вв. Ладога становится крупным центром международной торговли [23, с. 210]. Притом, отмечается присутствие в городе на раннем этапе как славян, так и скандинавов [23, с. 210–212]. Торговля и богатство тех, кто эту торговлю контролировал, постепенно приводила к социальной дифференциации, выделению правящей прослойки и развитию политических образований. Возможно, решающую роль в сложении мощного протогосударственного объединения славян и прибалтийских финнов середины IX в. послужило именно поступление дохода с этого пути. Другим важным фактором можно считать контакты с провинциально-византийским населением VI–VII вв. части предков ильменских словен в Подунавье. Третьим фактором можно считать, с одной стороны, контакты со скандинаво-германским миром (скандинавы, фризы), с другой – исходящую от них угрозу. Именно подобная опасность со стороны внешнего врага заставляла местное население консолидироваться. Скандинавы, очевидно, стремились также поставить под свой контроль важный торговый путь, соединявший Балтийский регион с Поволжьем и Предуральем (согласно данным археологии, та же Ладога на протяжении первых веков своей истории неоднократно переходила из рук в руки и даже горела).

В дальнейшем именно «северное объединение» Ильмень-Волховского региона стало той основой, на которой выросло Древнерусское государство, распространившееся сначала в северной части торгового пути

из варяг в греки, а потом подчинившее центральную и южную его части с захватом Смоленска и Киева (882) соответственно. Фактически можно говорить о переносе государственности с севера (из Ладоги и Новгорода) на юг, в Киев, после захвата города. Именно тогда сакрализованная власть и «центр земли» были перемещены с сурового севера на тёплый юг. Однако память об особой роли Новгородчины в истории Руси сохранялась в среде древнерусских книжников, и по этой причине летописцы отмечали: «...преже Новгородская волость и потом Киевская...» (Толстовский список) [2, с. 103]; «...прежде Новгородская волость, потомъ Киевская...» (Воронцовский список) [2, с. 431]; «...преже Новгородская волость, потомъ Киевская...» (Троицкий список) [2, с. 551]. Князь Всеволод Большое Гнездо говорил сыну Константину перед отправкой его на княжение в Новгород следующее: «На тобѣ Богъ положилъ переже старѣшинство во всеи брати твоєи. а Новѣгородъ Великий старѣшинство имать княженью . во всеи Русьской земли. по имени твоємъ тако и хвала твоа. не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣшинство в брати твоєи но и въ всеи Русьской земли . и назъ ти даю старѣшинство поѣди в свои городъ» (ПСРЛ, 1: 422).

Подведём итог. Отмечено две крупных, растянутых по времени волны славянской миграции с юга на север (V–VII и VIII вв. соответственно). Первая соотносится с возникновением культуры псковско-мстинских длинных курганов, вторая – с культурой новгородских сопок и предшествовавшими ей памятниками («предпочными»). Наличие двух волн славянской колонизации Северо-Запада подтверждается не только археологически, но и перекрёстными данными физической антропологии и лингвистики. Информация же ряда нарративных источников свидетельствует в пользу очень древнего расселения славян на территории Северо-Запада будущей Руси. Антропологически раннеславянское население на Псковско-Новгородской земле связывается с новым высокоголовым североевропеоидным= (восточно-) нордическим населением, обладавшим резко выраженными европеоидными признаками. Данное население выводится нами с территории одной из прародин славян, – ареала распространения культуры штрихованной керамики и соседних культур, в этногенезе населения которых приняли участие «поздние» «штриховики». Исследование роли населения КШК в славянском этногенезе нуждается в особо тщательной проработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. II: Византийские источники. М., 2010. — 384 с.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. – 642 с.
3. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974.

4. Алексеев С.В. Праславяне. Опыт историко-культурной реконструкции. М., 2015. — 429 с.
5. Березкин Ю. Е. Археология, этнография и политогенез // Ранние формы политических систем. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. С. 135–159.
6. Васильев В.Л. Славянская колонизация Русского Северо-Запада в свете ономастики // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 17–35.
7. Волов А.И. Анализ особенностей строительства и трудозатрат на сооружение сопки в урочище Плакун в Старой Ладоге // *Saurus*. 2023. Том 2. № 1. С. 29–49.
8. Горский А.А. О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 192–210.
9. Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки по исторической географии лесной части пути «из варяг в греки». Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. Труды ИИМК РАН XXXIII. СПб., 2010.
10. Еремеев И.И. Славянский Городок в Восточном Приильменье // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2006. Вып. 20. С. 259–274.
11. Еремеев И.И. Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: Проблемы сравнительного исследования // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: материалы Международной научной конференции. Великий Новгород, 04–07 октября 2005 года. СПб., 2007. С. 240–255.
12. Еремеев И.И. Исследования на восточном берегу озера Ильмень // Археологические открытия / Ин-т археологии РАН [сост. и отв. ред. Н.В. Лопатин]. М., 2009. С. 33–35.
13. Еремеев И.И. О фортификации городищ пражской культуры Белорусского Полесья // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН. Том I. М., 2010. С. 269–283.
14. Еремеев И.И., Носов Е.Н. О раскопках фортификационных сооружений Рюрикова городища Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН // Археологические открытия. 2018. Т. 2016. С. 52–57.
15. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
16. Исланова И.В. Культурная ситуация в ареале псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института Археологии. №235. 2014. С. 327–341.
17. Исланова И.В. Городища культуры псковских длинных курганов в бассейне Мсты // Краткие сообщения Института Археологии. №239. 2015. С. 384–392.
18. Исланова И.В. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 17) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 136–220.
19. Исланова И.В. О культурных трансформациях раннесредневековых древностей на Волго-Балтийском водоразделе // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А.М. Обломского: [сборник]. М.: ИА РАН, 2017. С. 82–89.
20. Кирпичников А.Н., Курбатов А.В. Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволхове // *Stratum plus*. 2014. №5. С. 129–136.
21. Конечный В.Я. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Межвузовский сборник. Л., 1989. С. 140–150.
22. Культура псковских длинных курганов. Обзор З.Д. Ющенко (ГАУГН) на основе авторского текста с.н.с. ИА РАН, д.и.н. И.В. Ислановой / URL: <http://earlslavslav.ru/culture/the-pskov-long-barrows-culture> (дата обращения: 16.08.2024).
23. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. — 286 с.
24. Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Межвузовский сборник. Л., 1989. С. 105–115.
25. Лопатин Н.В. Основные концепции заселения славянами Северо-Запада Русской равнины // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы I научного семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова. Псков, 2006. С. 333–341.
26. Мачинский Д.А., Кулешов В. Северные народы середины IV — первой половины VI вв. в «Getica» Иордана // Мачинский Д. А. (науч. ред.). Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 26–72.
27. Мачинский Д.А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников. В кн.: Скифия – Россия. Узловые события и сквозные проблемы: В 2 т. Т. 2. СПб., 2018. С. 76–94.
28. Мачинский Д.А. Ладога — древнейшая столица Руси и её «ворота в Европу». В кн.: Скифия – Россия. Узловые события и сквозные проблемы: В 2 т. Т. 2. СПб., 2018. С. 231–265.
29. Мельникова Е.А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект) // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды / М., 2011. С. 35–48.
30. Мельникова Е.А. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды / М., 2011. С. 49–72.
31. Михайлова Е.Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken, 2014. — 427 с.
32. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи. В кн.: Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 115–154.
33. Носов Е.Н. Новгородская земля IX–XI вв. Автореф. дисс. ... д-ра исторических наук. СПб., 1992.
34. Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб., 2005.

35. Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье. В: Макаров Н.А. (отв. ред.). Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 92—121.
36. Рождественская Т.В. О письменных традициях в Северной Руси (IX—X вв.) (к постановке проблемы) // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Межвузовский сборник. Л., 1989. С. 150—155.
37. Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000. — 108 с.
38. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974. — 68 с., 13 л. ил.
39. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. — 327 с.
40. Седов В.В. Первый этап славянского расселения в бассейне озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Нг, 1994. С. 127—137.
41. Седов В.В. Становление культуры псковских длинных курганов // Stratum Plus. 2000. № 5. С. 26—31.
42. Тарасов И.М. От Лызлова до Татищева и Ломоносова. Древние славяне в трудах первых отечественных историков. М., 2024. — 264 с. [32] с.
43. Тарасов И.М. «Старейшина» Гостомысл и раннее политическое объединение ильменских словен // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики». Серия Гуманитарные науки, 2024 (в печати).
44. Фурасьев А.Г. Древние славяне в Усвятской округе // Древнерусский Усвят: в поисках города Ярослава Мудрого. СПб., 2021. С. 18—25.
45. Цветков С.Э. Русская история: книга первая. М., 2003. — 621 с.
46. Шинаков Е.А. У истоков Русской государственности. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020. — 528 с.
47. Штыхов Г.В. Формирование полоцких кривичей // Iš baltų kultūros istorijos. Vilnius, 2000. S. 209—218.

© Тарасов Илья Михайлович (tarasowilya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»